

Социология права. Девиантное поведение

© 2004 г.

А.Ю. СОЛНЫШКОВ

ДЕДОВЩИНА: ТИП ОТНОШЕНИЯ К "ЗНАЧИМОМУ ДРУГОМУ"

СОЛНЫШКОВ Алексей Юрьевич - психолог Центра медико-социальной сопровождения "Взаимодействие" Управления образования Южного административного округа г. Москвы.

Социокультурный жаргонизм "дедовщина" к началу 1970-х годов прочно закрепился в обыденном сознании как обозначение специфических аномальных и противоправных социальных отношений среди срочнослужащих. Официальный язык в советские годы не воспринимал этот жаргонизм, который, помимо прочего, нес значительный деструктивный потенциал для власти, обозначая факт ее бессилия перед проявлением девиантных отношений среди срочнослужащих. Появился скромный термин "неуставные взаимоотношения" ("неуставные отношения"), первоначально бывший аналогом понятия "дедовщина" и призванный скрыть табуированное понятие. Со временем эти аналоги приобрели существенные смысловые различия - "расщепились". За четыре десятилетия изучения этого социально-психологического феномена получилось так, что к "неуставным взаимоотношениям" исследователи относят и нарушения формальных организационных норм взаимоотношений, и любые факты физического насилия, в том числе явившиеся следствием межличностных конфликтов, не связанных с отношениями эксплуатации. Под "дедовщиной" же чаще подразумевались (хотя и не всегда четко формулировались) отношения эксплуатации человека человеком.

Об очень близких дедовщине явлениях писали А.И. Куприн, Н.Г. Помяловский. "Бурсачество", описанное последним, подразумевает похожие на дедовщину отношения среди подростков в закрытых группах постоянного состава принудительной изоляции. Конфликты, связанные с попыткой превратить личность в существо, зависимое от доминирующего убожества, раскрывают А.И. Солженицын, А. Жигулин. Взаимоотношения в постсталинских советских тюрьмах описаны В. Буковским, Л. Габышевым, в армии - А. Азольским, Ю. Поляковым. Особое место в этом ряду занимают исследования: Б. Беттельгейма, осуществленные в нацистских "лагерях трудового воспитания" [1], и М.Ю. Кондратьева [2], проведенное в школах-интернатах для одаренных детей, спецПТУ, детских домах и колониях для несовершеннолетних преступников. В иностранной художественной литературе отношения, близкие дедовщине, описаны среди подростков в закрытых учебных заведениях у С. Моэма, К.-С. Льюиса, в семейных отношениях у Ч. Диккенса, у других авторов. Множественность вариантов межличностных отношений, близких по своим свойствам к дедовщине, свидетельствует о наличии некоего типа человеческих взаимоотношений, объединяющего все эти варианты.

За сорок лет исследования феномена дедовщины отечественным ученым не удалось существенно продвинуться по сравнению с продуктивными работами А.Д. Гло-

точкина и его учеников [3]. В этих работах дедовщина характеризуется следующими признаками: 1) эксплуататорским характером отношений; 2) искаженными способами самоутверждения; 3) двойственностью: это и отношения эксплуатации, это и насилие как средство поддержания отношений эксплуатации. Отмечается, что поддержание отношений эксплуатации осуществляется не только путем насилия, но и средствами воздействия через групповое общественное мнение - средствами манипулирования сознанием. Показано, что организаторы дедовщины испытывают потребность в зависимых - объектах самоутверждения, а сами зависимые не только демонстрируют лояльность по отношению к "лидерам" и антигуманным внутригрупповым нормам, но и стремятся заслужить одобрение угнетателей.

Среди причин дедовщины, связанных с **условиями социальной среды**, в которой находятся срочнотрудовые, называются: отсутствие возможностей для самоутверждения военнослужащего через социально полезные и одобряемые формы деятельности; неспособность руководства заинтересовать в службе; низкая психолого-педагогическая культура офицеров и их нежелание ее развивать; "двойной стандарт" в отношении начальника к подчиненному и к самому себе; неумение создать гуманистически ориентированный формальный и неформальный актив воинского подразделения. **Внутриличностной** причиной дедовщины называется неспособность части старослужащих через социально приемлемые формы удовлетворять свои потребности в самоуважении и самоактуализации (по А. Маслоу), при их стремлении удовлетворить эти потребности социально неприемлемыми способами. На основании результатов исследований предлагаются и пути преодоления дедовщины.

Суть коррекционной работы с носителями дедовщины А.Д. Глоточкин видел в *создании в микросоциуме* условий для самоутверждения военнослужащего через социально полезные формы деятельности и взаимоотношений и в организации *тотального* воспрепятствования самоутверждению через негуманистические поступки и формы взаимоотношений. Вот ее некоторые принципы, адресованные к офицеру: отношение к другому, в том числе и к нарушителю, как к самоценной личности (невозможно заставить другого быть *человеком*, не относясь к нему как к *человеку*); "внимание к мелочам", ибо они - или скрывающиеся проявления дедовщины, или/и знаки групповой принадлежности и являются индикаторами развитых, но скрытых от глаз постороннего издевательств и эксплуатации; гуманное отношение к солдатам, так как только к офицеру-гуманисту может обратиться за помощью угнетаемый солдат; единство в этических и правовых требованиях и оценках к подчиненному, к товарищу-офицеру, к самому себе; подбор в младшие командиры и в актив только гуманистически ориентированных военнослужащих, ибо другие уступят давлению отрицательных лидеров; в работе с нарушителем руководитель должен всегда оставлять перспективу позитивного взаимодействия, и какова бы ни была ситуация, быть открытым и конструктивно ориентированным на взаимодействие с ним; не увлекаться переводом в другую часть или подразделение лидеров дедовщины и "механическим" расколом отрицательно направленных групп, так как это не дает существенного эффекта.

Вывод исследователя, кажется, обращен к тем, кто уже тридцать лет пытается преодолеть дедовщину через организационные, а не психокоррекционные пути и способы действия: *сама по себе дисциплинарная практика без успешной работы по изменению внутренних отношений нарушителя дисциплины бессмысленна, так как не меняет направленности личности*. Еще в 1964 г. он выработал диагностическую и коррекционную технологию, позволявшую преодолевать дедовщину, провел эксперимент в воинском подразделении, однако в широкую армейскую практику внедрить ее ему не удалось.

Во второй половине 80-х годов появились многочисленные рекомендации по профилактике неуставных взаимоотношений. Но даже в лучших из них был сделан акцент на организационную работу, а воспитание сводилось в основном к информированию и пропаганде. Корректировать поведение военнослужащих и отношения между ними официально рекомендовалось главным образом через **ознакомление с**

требованиями уставов и других руководящих документов и через уставную **организацию** служебных отношений. Вершиной этого этапа исследований стала разработка и попытка внедрения в армейскую деятельность в 1987 г. "Методики поэтапной профилактики неуставных взаимоотношений" [4]. Основными идеями методики выступали следующие принципы: раздельное, по возможности, размещение "молодых" и старослужащих, постоянный контроль со стороны начальников за взаимоотношениями подчиненных, стыдливое указание на желательность получения возможно более полной информации о фактах неуставных взаимоотношений, а также правовое просвещение всех категорий военнослужащих и требование неотвратимо взыскивать с нарушителей. И хотя ее эффективность оказалась невысокой, до сих пор предпринимаются попытки через правовые отношения решить весь комплекс проблем, связанных с дедовщиной. Что же касается рекомендаций по установлению тотального контроля со стороны офицеров за повседневной деятельностью срочнотрудовых, то очень скоро стало ясно, что даже ценой чрезмерного напряжения сил долго это обеспечивать невозможно. И такая организационная мера, как раздельное размещение военнослужащих по срокам призыва, оказалась неэффективной - дедовщина легко возникла и среди военнослужащих одного срока призыва, да и старослужащие изыскивали дополнительные способы поддержания дедовщины в новых условиях.

Наиболее продуктивно в перестроечные годы над проблемой дедовщины работали М.И. Дьяченко, Ю.И. Дерюгин [5]: их оценки дедовщины как действий по нанесению "дедом" ущерба "образу Я" зависимого человека, как вид эксплуатации человека человеком отражают важнейшие сущностные стороны этого явления. Попыткой обстоятельного описания дедовщины выступает работа СИ. Съедина и В.М. Крука [6]. В ней дается исторический обзор подобного рода взаимоотношений в армии, а сама дедовщина рассматривается как целостное социально-психологическое явление с нескольких взаимодополняющих точек зрения. Здесь же отмечается закономерный характер появления дедовщины в тоталитарном государстве. Вместе с тем, в этой работе прослеживается упрощенный, на наш взгляд, подход к методам искоренения дедовщины. Несколько буквально интерпретировав суть деятельностного подхода (А.Н. Леонтьева и А.В. Петровского) к формированию коллективистских отношений, они выдвигают на первое место в воспитании собственно служебную деятельность, а не отношения в процессе деятельности. А так как на участника воинской деятельности воздействуют, помимо формальных служебных отношений, еще и неформальные, организуемые, прежде всего, "дедами" и в интересах дедовщины, то "дедовское воспитание", по меньшей мере, будет на равных конкурировать с формально-служебным.

В исследовании Ж.Г. Сенокосова [7] утверждается, что дедовщина типична там, где офицерами насаждается тоталитарный стиль управления, а требовательность носит формально-служебный характер. Подчеркивается, что "опытные" командиры подразделений зачастую не только не борются с дедовщиной, но сами насаждают и/или поддерживают ее. В условиях дедовщины молодой солдат деперсонализирован и оказывается в ситуации глубокого социального отчуждения, а отношения, в которых он пребывает, лишают его хоть какой-то возможности личностной самореализации. В работе указывается, что примерно через три месяца после начала службы, когда этап первичной адаптации завершается, добросовестные военнослужащие переживают глубокий внутриличностный конфликт, связанный с осознанием того, что они для старших сослуживцев (как срочнотрудовых, так и офицеров) не личности, а только лишь "говорящие орудия". Этот конфликт может приобретать свойство непреодолимого жизненного препятствия и провоцировать суицид [8]. А вот солдаты с ценностной системой антисоциальной и асоциальной направленности не испытывают внутренних противоречий и посвящают свою воинскую службу, прежде всего, обслуживанию интересов "дедов". Именно из таких военнослужащих рекрутируются будущие организаторы дедовщины.

В работе СВ. Тарасова [9] отмечается, что важнейшая добродетель "молодого" в отношениях дедовщины - немедленное повиновение, а наибольшее нарушение - не-

повиновение "дедам". Но попытки "молодого" лично реализовать через самосовершенствование в амплу "повинующегося исполнителя" приводят его к ускорению личностной деградации и к деперсонализации уже и в собственном восприятии. В этой же работе указывается, что тщательно регламентированные ритуалы дедовщины, часть из которых напоминает процедуры инициации, а часть - средневековые карнавалы, выполняют для старослужащих функцию психологических защит, примирая каждого из них с собственным неполноценным "образом Я", сформированным или заостренным в период службы, в том числе, и в формальных служебных отношениях.

В исследовании Д.В. Клепикова [10] на основе социологических данных делаются весьма неожиданные практические выводы. Так, вполне обоснованно утверждая, что дедовщина является каналом, через который старослужащие удовлетворяют естественные социальные (например, в уважении) и биологические (в пище, отдыхе) потребности, которые недостаточно удовлетворяются через формально-служебные отношения, автор полагает, что пока призывной принцип комплектования Вооруженных Сил сохранится, дедовщина останется органическим, неотъемлемым дополнением формальной воинской организации. А раз так, то надо совершенствовать формальную организацию, но поскольку социальные институты складываются и существуют длительное время, а отношения старшинства вечны, **необходимо использовать институт дедовщины в интересах службы**. Это может быть достигнуто, например, путем введения элементов самоуправления воинского коллектива в сферах повседневного быта и досуга, **легализации некоторых элементов дедовщины**, поскольку она - результат самоорганизации воинского коллектива в социальных условиях тоталитарной военной организации.

В работе В.В. Иванова [11] содержится очень важное, на наш взгляд, суждение о **противоположности** формальных норм, регламентирующих служебные межличностные отношения, психологически оптимальной модели межличностных отношений, обозначенной автором как "буберовская диада Я-Ты". В небольшой работе В.В. Иванова эта научная метафора не получила систематизированного развития, однако именно она, на наш взгляд, является ключом к пониманию сущности дедовщины и родственных ей отношений.

В концепции психологии отношений (школа А.А. Бодалева) подобное отношение человека к человеку объясняется как **субъектный тип интрапсихического** (иначе говоря, внутриспсихического, внутрисубъектного психологического, существующего идеально - только "в голове" человека) *отношения личности к "значимому другому"*. Интрапсихическое отношение личности к другой личности имеет ряд принципиальных отличий от интрапсихического отношения личности к неодушевленному внешнему объекту. По А.У. Харашу [12], восприятие другого человека есть социальное действие, которое сначала превращает воспринимаемого другого человека в объект субъективной реальности воспринимающего субъекта, рядоположенный с другими объектами этой субъективной реальности, а затем "одухотворяет" этот объект, придавая ему качественно иные свойства, нежели свойства неживых объектов. Свойства воспринятого объекта определяются для субъекта, прежде всего тем, насколько они "полезны" для удовлетворения насущных потребностей воспринимающего субъекта. В отличие от объекта субъект в психической реальности воспринимающего обладает (помимо утилитарной полезности) и особым свойством "самости", равнозначности с воспринимающим субъектом [там же, с. 25-26]. Или Я воспринимаю тебя как средство, орудие, инструмент в решении моих проблем (объектное отношение к "другому"), или Я воспринимаю Тебя как равнозначимую со Мною Личность (субъектное отношение к "другому") [13].

Для того, чтобы поступок был субъектным по отношению к воспринимаемому Другому, необходимы определенные умения: а) адекватно **эмоционально** сопереживать другому человеку, б) правильно, точно **понять** другого человека, увидеть мир "его глазами", в) любить, ценить, уважать то, что любит, ценит, уважает другой человек. Но чтобы субъектное интрапсихическое отношение к Другому превратилось в

социальное деяние, в поступок, необходимо и г) умение действовать в соответствии с потребностями, интересами другого человека. Если все четыре компонента отношения к другому имеют субъектное содержание - и поступок будет субъектным; если хотя бы один компонент в силу любых причин не станет субъектным - имеется угроза того, что и результирующий поступок окажется объектным, или "не вполне" субъектным.

К сожалению, в нашей культуре утеряна традиция воспитания Личности в субъектных отношениях. Низкий уровень гуманитарной культуры, социальный кризис, невротизация родителей, борющихся за личный успех или выживание, хроническая нехватка времени, алкоголизация, авторитарный, устраняющийся или попустительствующий стиль родительского поведения, семейные конфликты - все это "глушит" и "рушит" личностные новообразования, которые - развеяны они у ребенка нормально - отвечали бы за субъектное отношение к Другому. Многие полагают, что ребенка всему можно и никогда не поздно учить, и что учить нужно знаниям, а не чувствам. Однако это не так. В результате - эмоциональная глухота, агрессия как способ реадaptации личности, имеющей дефициты в области продуктивных межличностных отношений. Все это может вылиться в грубые формы социальной дезадаптации.

У каждого человека существует *потребность* быть для другого *значимым*, быть для другого *субъектом*, а не *объектом*. Быть нужным для другого - более эмоционально привлекательное состояние, чем просто удовлетворять возникающие потребности посредством другого человека. *Потребность быть субъектом для другого является одной из базовых потребностей личности* и является одной из предпосылок гуманистического отношения личности к "другому". Метапотребности - в любви и принятии, в самоуважении, в самоактуализации - можно объединить одним понятием: "быть субъектом отношения другого человека". И эта потребность может быть нормально удовлетворена, только если сам субъект стремится увидеть мир с позиции другого человека и оказывается способным это сделать. Таким образом, идеальную модель межличностных отношений можно представить как *получение субъектного отношения к себе от "другого" при собственном субъектном отношении к нему*.

Личность, отношения которой не носят полноценного субъект-субъектного характера, испытывает адаптационные проблемы. Более или менее часто ее взаимоотношения с другими оказываются для нее нерезультативными, а ее социальные потребности неудовлетворенными. Для самой личности критерием адаптированности является субъективное эмоциональное переживание текущего эпизода его "соотношения со средой". В ситуации неблагоприятного соотношения со средой субъект, дезадаптированный в некотором аспекте (аспектах), может: а) найти новый путь для удовлетворения своей потребности (конструктивное решение адаптационных проблем), б) может заняться удовлетворением других потребностей (копинг-механизмы или механизмы совладания). Все это - способы конструктивного ответа на действие дезадаптирующего фактора.

К паллиативным способам адаптационных действий уместно отнести: в) механизмы психологической защиты; г) действия по присвоению и безвозмездному пользованию чужими ресурсами в собственных интересах (адлеровский "комплекс доминирования и власти"). Если механизмы психологической защиты дезадаптированной личности действуют эффективно, она длительное время может сохранять удовлетворительную самооценку и быть вполне довольной собой, оставаясь объективно дезадаптированной. Иное дело, если психологическая защита по каким-то причинам "не срабатывает", а надо сказать, что это свойственно значительной части таких неэффективных людей [14]. Такие люди остро, болезненно переживают собственную несостоятельность, их переполняют отрицательные эмоции, и даже выплескивая их на окружающих, "срывая зло", такая личность не становится ни эффективнее, ни эмоционально благополучнее, ни добрее к людям. Причина тому - личностные дефициты, ограничивающие возможности субъекта в установлении полноценных, эффективных межличностных отношений. Такая личность находит для себя особый стиль социального поведения, позво-

ляющий в той или иной мере преодолеть переживание собственных дезадаптированности и несостоятельности, однако это преодоление осуществляется за счет безвозмездной эксплуатации ресурсов других людей. Именно такую личность уместно характеризовать как *дефицитарную* ("комплекс доминирования и власти" у А. Адлера, "несексуальный садизм" у Э. Фромма, дефицитарная личность А. Маслоу). А. Маслоу в разработанной им концепции метапатологий выделяет связь между аномальными условиями развития в детском и юношеском возрасте и нарушениями в способах адаптации личности к социальным условиям, в способах удовлетворения личностных потребностей, в качестве жизни такого человека, характеризуя его как *дефицитарную личность*. Под личностным дефицитом понимается недостаток психической функции, отсутствие которой приводит к нарушению механизмов социальной адаптации. А. Маслоу выделяет такие типологические черты дефицитарной личности, как цинизм, "низкие" потребности, эгоизм, асоциальность, некритически позитивное самоотношение, потребительское отношение к жизни и к людям, подозрительность, тяготение эмоциональной сферы к полюсу депрессии и дисфории (мрачно-зловое настроение); все это - на фоне обедненной когнитивной сферы личности. Итак, дефицитарная личность характеризуется существенной сниженностью способности к удовлетворению своих социальных потребностей приемлемыми для других людей способами.

Одним из вариантов выхода дефицитарной личности из ситуации переживания и осознания собственной дезадаптированности становится создание ею "вокруг себя" специфической среды межличностных взаимоотношений, в которой такая личность может получать желаемые или близкие к желаемым эмоциональные эффекты. Такая социальная микросреда постепенно формирует собственную субкультуру, комплиментарную как потребностям, так и возможностям участников микросоциума. При этом, "чем примитивнее сообщество, тем нетерпимее оно к индивидуальным различиям, инакомыслию и вообще непохожести" [там же, с. 113]. Примером адаптации среды межличностных взаимоотношений "под возможности" дефицитарной личности является криминальная субкультура, молодежная делинквентная субкультура. Армейская "дедовщина" также является одним из вариантов межличностных отношений, сформировавшихся в интересах адаптации дефицитарных личностей.

Еще одним (причем важнейшим для нашего исследования) видом паллиативной адаптационной деятельности индивида является осуществление механизмов сверхкомпенсации, связанных с "комплексом власти, доминирования, господства". Эти механизмы, являющиеся следствием нескомпенсированного комплекса неполноценности, описал А. Адлер. В контексте дедовщины (и близких им отношений) эти механизмы указываются в работах А.Д. Глоточкина, В.Ф. Пирожкова, В.П. Каширина, Ю.М. Кондратьева, ряда других авторов. Ведущей целью "сверхкомпенсационной" деятельности дефицитарной личности является *установление ею таких межличностных взаимоотношений, в которых она имела бы возможность удовлетворять потребность быть субъектом отношений других людей, не превращая этих людей в субъектов собственных отношений.*

Очевидная неравноправность таких отношений требует специальных усилий для их установления и поддержания. Это может быть нанесение ущерба другому и/или угроза нанесения ущерба, психологическое манипулирование и/или элементарная "покупка" - оказание другому каких-то услуг, за которые он соглашается на неравноправные отношения [15]. Результатом подобных действий часто (но не обязательно - всегда) становится установление отношений доминирования и зависимости, в которых дефицитарная личность приобретает более или менее полный контроль над зависимым "другим". Она использует это для получения возможности регулировать поведение зависимого по своему усмотрению и в своих интересах.

Каков личностный смысл такого типа отношений для доминирующей дефицитарной личности? Во-первых, получение доступа к материальным ресурсам попавшего в зависимость человека, присвоение возможности распоряжаться ими в своих интересах, что, безусловно, повышает уровень адаптированности дефицитарной личности,

установившей отношения доминирования. Во-вторых, использование нематериальных (личностных, психологических) ресурсов зависимого человека, использование его в качестве "дополнения" собственной дефицитарной - не вполне состоятельной, полноценной личности. Однако наблюдение за реальными межличностными отношениями выявляют и другой, не менее важный аспект доминирования. Доминирующая дефицитарная личность стремится лишить зависимого и подавляемого возможности произвольного поведения, превратить его в "биологический полуавтомат" (филологическое изобретение К. Анахова - флотского офицера и моего сослуживца в 1988 г.), *только* в свой исполнительный придаток. Доминирующая дефицитарная личность стремится прежде всего "отобрать" у подавляемого те функции организации поведения, которые - в акте деятельности - связаны с этапом анализа ситуации и принятия решения, а также с этапом оценки результата деятельности. Доминирующая дефицитарная личность стремится восполнить собственную деятельность несостоятельностью за счет деятельности состоятельного зависимого человека, "встраиваясь" в его эффективные механизмы деятельности со своей мотивационной и эмоциональной системой. Но при этом доминирующая дефицитарная личность никак не заинтересована в признании за "придатком" авторских прав даже на отдельные компоненты выполненной успешной программы.

Зависимый "придаток", обладая потребными для доминирующей личности способностями (то есть будучи сам по себе объективно вполне состоятельной личностью), в качестве идеального придатка не должен быть личностью, чтобы, не дай Бог, не смог возжелать идентифицировать результат своей дополняющей деятельности с самим собой. Ведь дефицитарная личность испытывает потребность не только в том, чтобы обладать материальными результатами деятельности зависимого человека, но и в том, чтобы, присваивая личностные ресурсы зависимого человека, оценивать себя как состоятельную, умелую личность.

Одним из способов защиты доминирующей дефицитарной личностью собственной самооценки от неблагоприятного результата сравнения с "придатком" становится подталкивание зависимого к "самопревращению" его личности в объект, подобный неодушевленному существу. Изложу более понятно: речь идет о достижении личностью подавляемого *деперсонализованного*, обезличенного состояния, когда его собственный "образ Я" перестает иметь целостный и - главное - субъектный характер. Такой тип отношений типичен для криминальной субкультуры - "опускание"; для репрессивной системы тоталитарного государства; для формальных служебных взаимоотношений офицеров к срочнослужащим; для отношений дедовщины - "чмырение". "Чмырить" - осуществлять деструктивное организационное воздействие на человека, как правило, с целью добиться ущербности его самовосприятия, достижения им состояния деперсонализации, обеспечения высокой подчиняемости.

Превратив зависимых в обезличенных существ даже для самих себя, доминирующая дефицитарная личность превращается в подлинного (подчас единственного) субъекта социальных отношений в группе, с которой у доминирующей личности установлены неравноправные взаимоотношения. При этом отношение зависимой личности к доминирующей приобретает особый - объект-субъектный характер. Наряду с этим, управляя зависимыми, доминирующая личность не просто "присваивает" их личностные ресурсы и использует их для удовлетворения собственных потребностей. Она устанавливает с зависимыми особые взаимоотношения, предназначенные для удовлетворения ее потребностей в любви и принятии, самоуважении, самоактуализации; она вынуждает зависимых демонстрировать то поведение, которое по форме соответствует принятым в субкультуре ритуалам, оформляющим акты уважения, принятия и т.д. Таким образом, в адаптированной "под себя" группе доминирующая дефицитарная личность может получать столько, используя категории Э. Берна, "поглаживаний", сколько ей требуется для эмоционального комфорта.

Однако ритуальными действиями демонстрация значимости не ограничивается. Дефицитарная личность (как и всякая личность) стремится "полагать себя в жизнеде-

ятельности других людей, продолжая свое существование в них...", она стремится к «"идеальной представленности" в жизнедеятельности других людей, в том числе и за пределами их наличного взаимодействия» [16]. Реализуется эта социальная потребность через приобретение доминирующей личностью высокой субъективной значимости для зависимой личности - страх зависимой личности лишиться того малого, что позволяет взять или подает зависимому "из своих рук" доминирующая личность, превращает ее в сознании зависимой личности чуть ли не в центр мироздания. В исследовании М.Ю. Кондратьева показано, что в закрытых подростковых группах принудительной изоляции референтность и авторитетность "коллапсируют" именно в такой вид значимости. Это происходит, прежде всего, в контексте физиологических потребностей и потребностей в безопасности: страх физического насилия, лишения средств комфорта и просто средств, необходимых для сносного существования, заставляет зависимого воспринимать весь мир и себя самого через призму восприятия дефицитарной доминирующей личности.

Но и в контексте метапотребностей (в любви и принятии, самоуважении, самоактуализации) дефицитарная личность, установив отношения господства-подавления, может регулировать "успешность" зависимого субъекта в соответствующих сферах взаимоотношений. Типичными проявлениями таких регулирующих действий являются (особенно публичные) надругательства и издевательства над более сильными, умными, счастливыми, любимыми, успешными: иначе говоря, над более адаптированными, особенно в тех сферах, в которых доминирующая дефицитарная личность осознает собственную несостоятельность. Причем издевательства и надругательства осуществляются только тогда, когда дефицитарная личность уверена в своем успехе - то есть при гарантированном превосходстве (поэтому нападают всегда или на более слабого, неумелого, или "много на одного", или внезапно).

Привычная человеческая этика единоборства для дефицитарной личности неприемлема, так как она не может обеспечить ей превосходства, столь необходимого и столь же недостижимого в рамках социально приемлемых форм взаимоотношений. Поэтому обращение дефицитарной личности к этическим нормам равного противоборства может случиться лишь с целью обмана или манипуляции. Такими способами дефицитарная личность получает возможность реализовать потребность в самоактуализации, *стать субъектом отношений для другого, не выходя* (и, что очень важно, часто не умея и не стремясь выходить) *за рамки собственного объектного отношения к окружающим*.

Таким образом, дефицитарная личность обладает следующими признаками:

- 1) она не способна к полноценному субъект-субъектному отношению к другим людям в силу отсутствия или недостаточности соответствующих личностных умений;
- 2) остро страдает от (заслуженной ею) низкой оценки ее социальной состоятельности со стороны других людей и обусловленной ею низкой самооценкой;
- 3) предпринимает значительные усилия для улучшения неудовлетворительного "образа Я" и собственного имиджа;
- 4) содержание ее деятельности по улучшению "образа Я" и имиджа не связано с личностным ростом и совершенствованием социально-значимых качеств. Вместо этого дефицитарная личность стремится создать такую социальную микросреду, установить такие межличностные или/и социальные взаимоотношения, в которых она сможет получать удовлетворяющее ее количество и качество знаков принятия, уважения и социального признания, никак не связанные с ее реальной социальной полезностью;
- 5) для установления подобных отношений такая личность стремится утвердить свое доминирующее положение в значимой для нее социальной среде;
- 6) занятие доминирующего положения возможно путем насилия, психологического манипулирования, обмана и "покупки" властных прав у других людей в обмен на разнообразные услуги, в том числе путем самореализации в качестве "придатка" более сильной, авторитарной личности;
- 7) состояние доминирования для подобной личности оказывается наиболее комфортным состоянием бытия.

Вместе с тем, доминирующая дефицитарная личность остается лишенной эмоциональных переживаний, сопутствующих как полноценным субъектным отношениям, так и успешным, результативным актам конструктивной деятельности - в этих аспектах она все так же остается эмоционально депривированной. Она испытывает аналогичные депрессивному и дисфорическому состоянию, только источник этих состояний не эндогенный, а социогенный. Преодоление эмоциональной депривации - еще одна цель, преследуемая дефицитарной личностью в отношениях господства и подчинения. Паллиативных способов достижения этой цели два: искусственное "подхлестывание" своих эмоций (развлечение, еда, секс, алкоголь, наркотики, азартные игры, созерцание экстремальных ситуаций, садизм - вплоть до пыток зависимых, а также и иные формы); лишение других (прежде всего, зависимых) эмоционального вознаграждения - введение их в депрессивное и/или в дисфорическое эмоциональное состояние - "подравнивание" их под свой уровень счастья.

Таковы составляющие субъективного смысла установления отношений господства дефицитарной личностью. Что же касается дедовщины, то именно дефицитарные личности оказываются наиболее заинтересованными в подобного рода отношениях. Каким образом происходит установление и удержание дедовщины в подразделении и почему это становится возможным - тема отдельного разговора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беттельгейм Б.* Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 6; *Максимов М.* На грани и за ней. Поведение человека в экстремальных условиях // Знание - сила. 1989. № 3. С. 73-79.
2. *Кондратьев М.Ю.* Подросток в замкнутом круге общения. М., 1997.
3. См.: *Глоточкин А.Д.* Социально-психологические проблемы формирования первичного коллектива. Дисс. ... доктора псих. наук. М., 1972; *он же.* Формирование взаимоотношений в воинском коллективе (взвод, рота) на основе требований воинских уставов. Дис. ... кандидата пед. наук (по психологии). М., 1964. А также диссертационные исследования *Ю.Н. Минаева* (1974), *В.Н. Каширина* (1979), *В.П. Лазарева* (1980).
4. Методика поэтапной профилактики неуставных взаимоотношений в подразделении. М, 1987.
5. *Дерюгин Ю.И.* Дедовщина: социально-психологический анализ явления // Психологический журнал. 1990. № 1. С. 109-116; *Дьяченко М.И.* Дисциплина и дисциплинированность воина // Военная мысль. 1986. № 9.
6. *Съедин С.И., Крук В.М.* Дедовщина в воинских коллективах: причины, пути выявления и искоренения (социально-психологический аспект). М., 1990.
7. *Сенокосов Ж.Г.* Социально-психологическая адаптация молодых солдат к воинской службе. Дисс. ... кандидата псих. наук. М., 1989. С. 114-117.
8. См. на эту тему: *Юнацкевич П.И.* Психолого-педагогическая диагностика и коррекция суицидального поведения военнослужащих. Дисс. ... кандидата пед. наук. СПб., 1997.
9. *Тарасов С.В.* Срочная служба: вопросы адаптации // Социол. исслед. 1999. № 2. С. 75-78.
10. *Клепиков Д.В.* Дедовщина как социальный институт. Дисс. ... канд. соц. наук. СПб., 1997.
11. *Иванов В.В.* Системный взгляд на природу дедовщины // Социол. исслед. 1995. № 1. С. 123-126.
12. *Хараш А.У.* Восприятие человека как воздействие на его поведение // Психология межличностного познания. М., 1981. С. 25-42.
13. *Сагатовский В.Н.* Социальное проектирование (к основам теории) // Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. Томск, 1980. С. 83-89.
14. *Кон И.С.* Психология ранней юности: книга для учителя. М., 1989. С. 253.
15. *Глоточкин А.Д., Гукасян Н.В.* Психологические приемы и способы втягивания несовершеннолетних в преступные группы // Социальная психология и практика. Уфа, 2001. С. 106-111.
16. *Петровский А.В.* Личность в психологии с позиции системного подхода // Вопросы психологии. 1981. №3.